

Островская Елена Александровна

доктор социологических наук,
профессор факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

ИСЛАМСКИЙ ПРОЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕГО КЛЮЧЕВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению обсуждения исламского проекта глобализации в отечественном и зарубежном научном дискурсе. В контексте конфликтного противостояния Запада и Востока в геополитическом пространстве стран Ближнего Востока особую актуальность приобретает осмысление ключевых составляющих исламского проекта глобализации. Автор подробно анализирует такие его компоненты, как исламизм и постисламизм, рассматривает трактовки отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова:

ислам, исламизм, постисламизм, глобализация, исламский проект глобализации.

Ostrovskaya Elena Aleksandrovna

D.Phil. in Social Science, Professor,
Social Science Faculty,
Saint-Petersburg State University

THE ISLAMIC PROJECT OF GLOBALIZATION AND ITS KEY COMPONENTS

Summary:

This article discusses the debates concerned with the Islamic project of globalization in domestic and foreign scientific discourse. In the context of the conflict between the West and the East in the geopolitical space of the Middle East it is especially important to understand the key components of the Islamic project of globalization. The author analyzes in detail such components, as Islamism and post-Islamism, considers interpretations of this phenomenon by domestic and foreign scholars.

Keywords:

Islam, Islamism, post-Islamism, globalization, Islamic project of globalization.

В свете конфликтного противостояния Запада и Востока, развернувшегося на геополитическом пространстве стран Ближнего Востока, представляется весьма актуальным анализ идеологического измерения этого противостояния. И здесь следует говорить прежде всего о борьбе двух концептов принципиального переустройства мира – европейского христианского и исламского проектов глобализации. И если о европейском, или англо-американском, проекте написано немало статей и даже монографий, то об исламском проекте глобализации вообще особо не принято говорить [1]. Некоторое исключение составляют, пожалуй, только разрозненные исследования политологов, международных и исламоведов. Меж тем при изучении текущих событий в странах Ближнего Востока, в особенности в Сирии и Ираке, с необходимостью следует учитывать именно идеологическое измерение и проективность происходящего.

В статье в фокусе пристального рассмотрения поставлены такие ключевые составляющие исламского проекта глобализации, как феномен политического ислама и его научные оценки. Подробный анализ этих компонентов необходим, поскольку в современном научном дискурсе, а также в СМИ в презентациях исламизма обнаруживаются значительные, а порою и весьма тенденциозные разночтения. Однако прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению заявленного объекта, хотелось бы сказать кратко о сути самого феномена «исламский проект глобализации».

Идеологическое ядро исламского проекта глобализации составляют следующие элементы: обновление и реформация системы традиционного исламского образования и традиций толкования священных текстов Корана и собственно традиции создания толкований; реисламизация мусульманских стран, их последующая консолидация вокруг идей единой исламской нации или единого наднационального исламского государства, не привязанного к конкретным территориям, культурам, расам, языкам; создание единого экономического, а в перспективе и политического пространства глобального взаимодействия стран мусульманского мира.

Исламский проект глобализации в своих идеологических и организационных составляющих складывался по ходу развития всемирной истории стран Запада и Востока. Динамика его становления напрямую опосредована такими стадиями формирования геополитического взаимодействия этих стран, как колониальный период, падение Османского халифата, обретение независимости от западных стран-колонизаторов и построение собственных государственных систем мусульманскими странами, трудовая миграция мусульманских сообществ на Запад, волны иммиграции, превращение Европы и США в «территории ислама».

Ключевыми компонентами, сделавшими возможным возникновение транснационального измерения глобального ислама, выступают созданные идеологами политического ислама концепции

глобализации ислама, возникновение разветвленных диаспорных сетей этнорелигиозного взаимодействия и потребность в консолидации этих диаспорных сообществ, институционализация транснациональных исламских и исламистских неправительственных и правительственных организаций.

Исламский проект глобализации в своих идеологемах, лидерах, организациях, детерриторизированных сообществах, консолидированных по принципу исламского национализма или исламской нации, формируется в параллель с евро-американским проектом глобализации. Их столкновение и весьма разнородный по своей направленности диалог стали возможными лишь в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в связи с крушением биполярного мира и возникшей геополитической потребностью в новой расстановке сил и отношений между Западом и Востоком.

Немалую роль в глобальном распространении и последующей институционализации политического ислама сыграли и по-прежнему играют разбросанные по миру глобальные мусульманские диаспоры. Так, в Европе распространение исламского проекта как части большой транснациональной сети напрямую связано с этапами становления и закрепления диаспор.

В современном исламоведении, социологии и политологии принято использовать периодизацию становления глобальной исламской диаспоры, введенную Ж. Кеппелем [2, с. 193–202]. Кеппель говорит о трех основных периодах формирования идеологии глобальных мусульманских диаспор. Первый период – до 1973 г. (то есть до израильско-арабской войны), когда иммиграция из стран «третьего мира» рассматривалась как временная и продиктованная потребностью в дешевой рабочей силе.

Второй – с 1973 по 1989 гг. – правительства Европы, в особенности Германия, Англия и Франция, ранее приветствовавшие миграцию из стран бывших колоний, вводят меры по ограничению притока иммигрантов, выдают желающим вид на жительство или даже гражданство. В свою очередь диаспорные сообщества, уже закрепившиеся в принимающих государствах, отнюдь не стремятся к возвращению на родину и, более того, начинают активный поиск идеологем и организационных средств для отстройки новой идентичности.

Третий период стартует с 1989 г. в связи с объявлением Европы территорией ислама (дар уль-ислам) и наличием уже функционирующих исламистских движений и организаций, развивающих свою активность по всему миру.

Понятие «исламизм» плотно вошло в современные научные дискуссии социологов, политологов и международных экспертов о судьбах глобального ислама. В отечественных и зарубежных СМИ слово «исламизм» регулярно употребляется для обозначения радикальных исламских организаций и группировок. Такое растиражированное и весьма суженное использование понятия привело к тому, что различным политическим и гражданским организациям исламистского направления приходится публично размежевываться с исламскими фундаменталистами радикальной направленности. В связи с этим необходимо отчетливо представлять совокупность значений и смыслов, включаемых в понятие «исламизм» современными социологами и политологами, а также исламскими учеными.

В отечественном и зарубежном дискурсах об исламском проекте глобализации центральное место занимает осмысление феноменов исламизма и постисламизма. Необходимо подчеркнуть, что впервые термин «исламизм» был введен в отечественный научный оборот благодаря сочинению П.П. Цветкова «Исламизм», опубликованному в 1912–1914 гг. [3]. В трех томах этой монографии автор излагает основы доктрины и практики ислама, соотнося это с письменным наследием. И тем не менее книгу он обозначил термином «исламизм», поскольку трактовал ислам как религию, располагающую значительным религиозно-идеологическим потенциалом.

В отечественном исламоведении и социологии религии получила распространение трактовка понятия «исламизм», введенная известным отечественным исламоведом А.А. Игнатенко в статье «От Филиппин до Косова: исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор» [4]. Игнатенко считает, что «исламизм – идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны)» [5]. Игнатенко трактует исламизм как своего рода социально-политический проект, нацеленный на создание такой политической идеологии, благодаря которой станет возможным использование шариатских норм во всех сферах жизнедеятельности общества. В силу этого исламизм в западных исламоведческих дискуссиях принято обозначать как «политический ислам», или политизированный ислам.

Сходная точка зрения обнаруживается и в трудах другого крупного российского исламоведа, арабиста – Р.Г. Ланды. Согласно точке зрения, отчетливо аргументированной в его монографии «Политический ислам. Предварительные итоги» (2005), исламизм является прежде всего политическим исламом, идеологией социально-политических движений, возникших в разных странах ислама после падения колониальных режимов, в ситуации передела мира, в дальнейшем геополитического противостояния во времена холодной войны. Так, в разделе, посвященном анализу по-

нения «исламизм», Ланда пишет, что «...политический ислам как явление во многом был результатом жесткой и бескомпромиссной борьбы исламистов и националистов за идейное лидерство и в национально-освободительной, и в социально-освободительной борьбе мусульманских народов. При этом “духовный фактор” и “определенное единство мусульман”, усиленные их возросшей религиозностью, обеспечивали исламистам “глобальное превосходство над светскими движениями”, будь то малочисленные коммунисты или терявшие популярность националисты» [6].

Следует отдельно отметить, что в отличие от многих отечественных исследователей-исламоведов Ланда не склонен к одномерному рассмотрению исламизма исключительно в формате радикального движения, самостоятельно возникшего и развивающегося в странах исламского мира. Согласно его позиции, сам исламизм и набравшие силу процессы его глобализации во многом обусловлены органичным для культур и обществ стран Ближнего и Среднего Востока, Африки культурным и национальным противостоянием процессам «глобализации вестернизации» (термин Ланды). Ланда отдельно подчеркивает, что политический ислам и глобализация западного проекта глобализации «...взаимно проникают в сферу распространения друг друга, в чем-то друг друга блокируют, но в чем-то и взаимодействуют, в частности в технике террора и военного насилия. Теперь это взаимодействие, ранее сводившееся преимущественно к заимствованию исламистами у Запада военных, информационных и финансово-организационных технологий, приняло и политический характер» [7, с. 47].

Аналитическое, системное рассмотрение исламизма содержится также в работах российского исламоведа З.И. Левина, неоднократно подчеркивавшего, что исламизм не является одномерным феноменом исламского радикализма или фундаментализма. Левин считает, что «...исламизм – это глобальный теоцентрический проект с идеей провиденциальной избранности мусульман и спасения человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации. Все нынешние беды мусульман исламисты относят на счет того, что те перестали строго следовать Корану, на счет несущей угрозу исламским духовным ценностям экспансии западной потребительско-материалистической цивилизации, распространения в мусульманском мире материалистических идеологий, “безбожных” западных норм морали, западного принципа отделения религии от политики, прозападных ориентаций правителей мусульманских стран» [8, с. 168].

Популярность идей исламизма Левин увязывает с тем, что идеологи исламизма апеллируют к нуждам и чаяниям малоимущих слоев мусульманских социумов, к необразованным представителям исламской уммы. Кроме того, лозунги исламистов делают акцент на враждебности западного алчного мира и его греховности. Особую популярность исламистские трактовки шариата, доктрины ислама, целей жизни и идентичности современного мусульманина имеют в среде диаспорных этносообществ стран Запада [9, с. 168–169].

Весьма близко к трактовке, предложенной отечественными исследователями, определение исламизма, разработанное американским историком А. Халидом. Халид полагает, что исламизм – это своего рода «объективация ислама», его разъединение с обычаями, традициями и историей конкретных этнорелигиозных общностей [10, с. 26]. В своей новой форме ислам превращается в инструмент идеологического конструирования в политической сфере, политизируется. Объективацию ислама Халид увязывает с мусульманским модернизмом, развернувшимся в конце XIX – начале XX вв. Основоположники модернизации ислама выступали за реформу традиционной исламской образовательной системы, права женщин, введение новых интерпретаций в семейные уложения и письменно зафиксированные представления об обществе и пр.

С точки зрения известного германского исследователя ислама П. Хайне, в мусульманских обществах формируется новая тенденция к возрождению ислама, или реисламизации. В статье «Ислам в XXI веке» П. Хайне высказывает мнение о стремлении современного ислама к унификации в контексте глобализационных процессов. В этом направлении большим потенциалом располагает так называемый политический ислам, или исламизм. В статье «Исламизм – очерк истории и идеологии» Хайне подробно анализирует мировоззренческие установки основоположников исламизма и выдвигает тезис, что изначально это движение было попыткой преодоления раскола между шиитами и суннитами [11, с. 10; 12]. Кроме того, он подчеркивает необходимость проводить четкое различие между исламизмом как модернистской идеологией, впервые сформировавшейся как антиколониальное движение и далее окрепшее именно в этом ключе, и радикальными группировками, апеллирующими к идеям основоположников исламизма. В целом для германских исследователей характерно более скрупулезное изучение радикальных форм исламизма и исламистских движений, распространенных на территории Германии благодаря транснациональной активности мусульманских диаспор и этнорелигиозных меньшинств.

Во французской научной политологии и социологии политики крепко утвердилось мнение об исламизме как транснациональном политизированном исламе. Истоком транснациональной формы этого типа исламизма выступил «французский ислам». Хорошо зная ислам по текстам и письменному наследию, видные французские исследователи в основном апеллируют к исламизму в его радикализованной версии или указывают на необходимость сосредоточить внимание на его новой версии – постисламизме.

Известный французский политолог, специалист по Ирану и Афганистану, О. Руа считает, что религиозный и политический радикализм европейских мусульман представляет собой импорт и переработку ближневосточных идеологий и конфликтов. Само возникновение исламизма он увязывает с глобализацией и вестернизацией ислама. По его глубокому убеждению, опасность исходит не от традиционного исламского общества, а от религиозно-политических движений, подвергшихся вестернизации. Руа считает, что именно под их влиянием радикальный ислам распространился в странах Запада. Более того, процесс так называемого «исламского оживления», или реисламизации, является результатом осмысления мусульманскими этносообществами, проживающими в постхристианском социокультурном контексте, своих прав и свобод в западном обществе. Согласно Руа, исламизм – это «современное направление исламского фундаментализма, нацеленного на создание подлинного исламского общества не только через внедрение норм шариата, но и политическим путем создания исламского государства» [13, р. 58].

Руа отмечает, что на современном этапе геополитического развития следует говорить уже не столько об устаревающем понятии «исламизм», сколько о постисламизме. По его мысли, постисламизм – это новая форма исламского освоения реальности, набирающая силу благодаря детерминированным мусульманским диаспорам и сообществам. Осевшим в странах Европы и в США мусульманским диаспорам идеи исламизма оказываются созвучными, поскольку они легитимируют стремление сохранить свою идентичность без адаптации к требованиям западных социумов. Постисламизм не апеллирует более к необходимости построения панисламского государства, эта идея в большинстве случаев отвергается как антиквированная. Нынешняя цель – создание подлинно исламского общества. Новое содержание проекта исламизации не сопряжено с идеями наций и территорий. И потому исламизм, согласно Руа, становится привлекательным для новых поколений мусульманской молодежи, рожденных в диаспорных анклавах [14, р. 97].

Идеям Руа во многом созвучны тезисы уже упомянутого выше французского политолога Ж. Кеппеля, прославившегося своей монографией «Джихад. Экспансия и закат исламизма» (2004). Детально прослеживая в своем анализе историю становления исламизма в лицах, лидерах, организациях, по странам и разным эпохам, Кеппель приходит к выводу, что господство исламизма, продлившееся с 1970-х гг. вплоть до конца 1990-х гг., подошло к неминуемому исчерпанию. Исламизм он понимает как политизированный ислам с разнообразной средой, включающей и представителей буржуазной мусульманской элиты, и самые неимущие слои исламских обществ. Идеи исламизма воплощены самыми разнообразными религиозными и религиозно-политическими организациями Ближнего и Среднего Востока. В своем нынешнем виде политический ислам претерпевает неизбежные изменения. Фокусом этих изменений становится стремление адаптировать западные концепты демократии, прав и свобод граждан в политических платформах и социальных программах новых и старых исламистских движений [15, с. 339–350].

Подводя итог рассмотрению подходов и концептуализаций, сформировавшихся в поле политологии, социологии политики, международных отношений, следует заострить внимание на том, что исламизм отнюдь не сводится лишь к одному из своих воплощений, радикальным политическим движениям, использующим риторику исламистской идеологии. Глубокий анализ сложного и многогранного феномена «исламизм» требует комплексного, системного подхода, позволяющего рассмотреть его политические, историко-культурные, идеологические и религиозные составляющие.

Ссылки:

1. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004.
2. Кеппель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004.
3. Цветков П.П. Исламизм. М., 2010.
4. Игнатенко А.А. Ислам и политика [Электронный ресурс] : сб. ст. 2004. URL: <http://jokibook.ru/pdf/is/islam-i-politika-sbornik-statej.pdf> (дата обращения: 20.07.2015).
5. Там же.
6. Ланда Г.Р. Политический ислам. Предварительные итоги : монография. М., 2005. 286 с.
7. Ланда Г.Р. Исламизм и империализм: союзники или соперники? // Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А.М. Петрова. М., 2012.
8. Левин З.И. Проблема мультикультурализма и конфликтный потенциал диаспоры // Там же.
9. Там же. С. 168–169.
10. Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии / пер. с англ. А.Б. Богдановой. М., 2010.
11. Heine P. Islamismus – Ein ideologiegeschichtlicher Überblick [Электронный ресурс] // Islamismus. Texte zur Inneren Sicherheit. Bundesministerium des Innern. 2003. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2003/Islamismus.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 20.07.2015).
12. Heine P. Der Islam im 21. Jahrhundert [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thueringen.de/de/publikationen/pic/pubdownload98.doc> (дата обращения: 20.07.2015).
13. Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. New York, 2006.
14. Там же. Р. 97.
15. Кеппель Ж. Указ. соч. С. 339–350.

References:

1. Berger, P & Huntington, S (ed.) 2004, *The many faces of globalization. Cultural diversity in the modern world*, Moscow.
2. Keppel, J 2004, *Jihad. The expansion of Islam and the sunset*, Moscow.
3. Tsvetkov, PP 2010, *Islamism*, Moscow.
4. Ignatenko, AA 2004, *Islam and politics*, retrieved 20 July 2015, <<http://jokibook.ru/pdf/is/islam-i-politika-sbornik-statej.pdf>>.
5. Ignatenko, AA 2004, *Islam and politics*, retrieved 20 July 2015, <<http://jokibook.ru/pdf/is/islam-i-politika-sbornik-statej.pdf>>.
6. Landa, GR 2005, *Political Islam. Preliminary results: a monograph*, Moscow, 286 p.
7. Landa, GR 2012, 'Islamism and imperialism: allies or rivals?', *Eastern countries: socio-political, socio-economic, ethnic religious and socio-cultural issues in the context of globalization*, Moscow.
8. Levin, ZI 2012, 'The problem of multiculturalism and conflict potential of Diaspora', *Eastern countries: socio-political, socio-economic, ethnic religious and socio-cultural issues in the context of globalization*, Moscow.
9. Levin, ZI 2012, 'The problem of multiculturalism and conflict potential of Diaspora', *Eastern countries: socio-political, socio-economic, ethnic religious and socio-cultural issues in the context of globalization*, Moscow, p. 168-169.
10. Khalid, A 2010, *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia*, Moscow.
11. Heine, P 2003, 'Islamismus - Ein ideologiegeschichtlicher Überblick', *Islamismus. Texte zur Inneren Sicherheit. Bundesministerium des Innern*, retrieved 20 July 2015, <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2003/islamismus.pdf?__blob=publicationFile>.
12. Heine, P 2015, *Der Islam im 21. Jahrhundert*, retrieved 20 July 2015, <<http://www.thuringen.de/de/publikationen/pic-public-download98.doc>>.
13. Roy, O 2006, *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*, New York.
14. Roy, O 2006, *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*, New York, p. 97.
15. Keppel, J 2004, *Jihad. The expansion of Islam and the sunset*, Moscow, p. 339-350.